

SUMMARY

V. A. Mandragelya. National Security: Search of New Approaches.

In the article there are analyzed the modern trends in methodology of evaluation of national security. The historical transformation of approaches to possibilities and perspectives of international situation stabilization is considered. The main efforts focus on difficulties and complexity of defining the notion «national security».

Key words: security, national security, ontological security.

УДК 008. 130.2

И. А. Донникова

Одесский национальный университет
им. И. И. Мечникова

СОЦИОСИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ: ОТ СУЩНОСТИ КУЛЬТУРЫ К СУЩНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ

В статье показано, что построение различного рода синергетических концепций культуры требует учета аксиологических аспектов социального порядка. Анализ социосинергетических концепций культуры выявляет новые проблемы, решение которых будет способствовать более глубокому пониманию сущности социальной самоорганизации и роли культуры в этом процессе.

Ключевые слова: синергетический дискурс, социокультурная синергетика, социальная самоорганизация, культура, человекотворчество.

Развитие синергетики – междисциплинарного направления, сложившегося в последние десятилетия XX века, способствует обновлению методологических подходов и проблемного поля социально-гуманитарных наук, в том числе и философско-культурологического знания. Синергетический дискурс, в котором понятия и принципы синергетики используются для анализа социокультурных процессов, выступает одновременно особым способом постановки и обсуждения проблем. По мнению О. Н. Астафьевой, он позволяет, «не прибегая к жестким определениям и понятиям, используя разного рода метафоры, осмыслить в терминах синергетики реальность происходящих социокультурных изменений» [2, 104–105]. Усиливающийся интерес к изучению явлений культуры нашел выражение в возникновении социокультурной синергетики, в центр внимания которой попадает широкий круг проблем – от становления личности до исторической динамики культуры. Вместе с тем различные синергетические концептуализации культуры дают разное понимание ее роли в социальной самоорганизации. Становится очевидным, что в синергетическом дискурсе активной должна быть не только синергетика, предлагающая теоретические схемы для анализа социокультурных процессов, но и философско-культурологическое знание, способное раскрыть человекотворческий смысл социальных изменений.

Цель статьи – выявление в синергетических концепциях культуры предпосылок для обоснования культурогенной сущности социальной самоорганизации.

Возможность применения самоорганизационных моделей в анализе культуры начала обсуждаться в отечественной науке в 90-е годы прошлого столетия. В Украине одной из первых публикаций по этой теме стала статья А. В. Свидзинского [9], в которой, используя одну из главных идей синергетики – идею когерентности и опираясь на исследования Т. де Шардена и В. И. Вернадского, автор предложил определять культуру как процесс самоорганизации ноосферы. Более подробное изложение эта идея получила в его работе «Самоорганизация и культура» [10]. Среди российских исследователей одним из первых, кто заинтересовался возможностями синергетического подхода, был М. С. Каган. В своей монографии [6], рассматривая методологические принципы изучения истории культуры, он отметил необходимость дополнения системного подхода синергетическим, который позволяет дать интегральное, целостное описание культурно-исторического процесса. В то же время, обсуждая его продуктивность в сфере гуманитарного знания, М. С. Каган указал и на проблемы, связанные с применением нового подхода: «...В той мере, в какой изучение человека, общества, культуры стремится быть *научным* – при всей специфичности гуманитарного знания, – оно должно освоить методологию современного изучения природных систем, но поскольку они являются менее сложными, чем системы антропо-социо-культурные, методологические принципы их изучения, сложившиеся на почве изучения физических, химических, биологических систем, с органичным для них математическим аппаратом, должны быть приведены в соответствие с уровнем сложности данного класса систем, а не переноситься механически из сферы естествознания в сферу гуманитарного знания» [6, 32]. Подобную методологическую осторожность разделяют многие исследователи, которые, если и допускают применение синергетического подхода, то очень дозированно. Так, Г. А. Аванесова отмечает: «Если целый класс исторических тенденций социокультурной динамики (например, циклические изменения в экономике, катастрофы в политике, взрывы в культуре и др.) может быть подвергнут плодотворному анализу с позиций теории синергетики, то изучение особенностей изменений в искусстве, явлений обыденной жизни, внутренних закономерностей индивидуального развития человека с этих позиций далеко не всегда может быть плодотворным» [1, 136].

На наш взгляд, проблема «несовместимости» предлагаемых синергетикой идей с культурологическими исследованиями зачастую заключена в самом культурологическом знании, которое, развиваясь в рамках традиционных методологических подходов, не использует в достаточной мере свой междисциплинарный потенциал. Как отмечает А. В. Свидзинский, слишком укоренилось в науке и в обыденном сознании

представление о культуре как системе артефактов, т. е. продуктов творческой деятельности человека. А это создает своеобразный «замкнутый круг», поскольку, с одной стороны, культура рассматривается как *процесс*, а с другой – как набор завершенных, а потому статичных по своей природе результатов творчества. Остается также неясным, каково функционирование последних в становящемся бытии человека и общества, каким образом вернуть их в живой процесс жизнетворчества людей? Трудно не согласиться с А. В. Свидзинским в том, что решение этой проблемы возможно только в том случае, «если вместо аматорского, поверхностного понимания культуры как объекта опеки соответствующего министерства, мы построим концепцию культуры, соответствующую уровню современной науки о мире и об общих законах его развития» [9, 142]. Если оставаться в границах «артефактного» понимания культуры, то ее исследование становится «несовместимым» с процессуальным, по сути, синергетическим подходом, а попытки его применения оборачиваются исследовательской неудачей, механическим соединением в принципе несоединимого.

Современная научная реальность такова, что в процессе формирования находится не только новая методологическая программа, предлагаемая синергетикой. Под ее влиянием трансформации охватывают различные области знания, ставя их перед необходимостью отказаться от изживших, исчерпавших свой познавательный потенциал подходов, концепций, отобрать и обновить те из них, которые способны вывести данную отрасль знания на новую ступень развития. Обновление не может не затрагивать и культурологическое знание, несмотря на всю сложность и проблематичность этого процесса.

Предпосылки для диалога с синергетикой заключены в междисциплинарном характере культурологического знания. Отсутствие жестких предметных границ способствует проникновению в культурологию нетрадиционных для нее методологических подходов. Культура – явление чрезвычайно сложное, многомерное и полифункциональное. В своем качественном разнообразии она охватывает как индивидуально-личностные проявления человека (от интимно-телесных до духовно-интеллектуальных и практических), так и широчайший спектр межличностных и коллективных взаимодействий, многообразие социальных связей, отношений и структур, а также включает отношения «человек – природа», «общество – природа». Авторы и сторонники того или иного подхода к культуре, как правило, акцентируют внимание на определенных механизмах ее функционирования, связывая их либо с семантическим строем культуры, либо с ее ценностным содержанием, либо с технологиями деятельности человека, с готовностью использовать для анализа этих механизмов практически весь набор методов социального познания. С другой стороны, смежные науки становятся более открытыми для использования культурологического

подхода в своем предметном поле, проводя культурологический анализ исследуемых социальных объектов или процессов. В результате весь спектр отношений, возникающих в системе «природа – человек – общество», попадает в поле культурологических интерпретаций. При соответствующем изменении ракурса рассмотрения в культурологических концепциях выявляются самоорганизационные потенции культуры.

Одним из условий «распознавания» в культуре нелинейных процессов является отказ от ее артефактного понимания, которое предполагает «мертвый» порядок застывших культурных форм, легко трансформирующийся при освоении их человеком, в хаос разрозненных «продуктов» культуры. Синергетический подход дает возможность синтезировать различные культурологические концепции, объединяя их общей исследовательской задачей – выявление самоорганизационных механизмов социального бытия. Схемы самоорганизации, предлагаемые синергетикой, используются для анализа социокультурных процессов через «узнавание» в них неустойчивости и нелинейности, бифуркаций, аттракторов, параметров порядка и т. д. Так, М. С. Каганом предложена системно-синергетическая концепция историко-культурного процесса, О. Н. Астафьева исследует специфику самоорганизации социокультурных систем в условиях нестабильности. А. П. Назаретян, обращаясь к цивилизационным и социокультурным кризисам, развивает концепцию «техно-гуманитарного баланса». При этом становится очевидным, что понимание роли культуры в социальных изменениях обусловлено, во-первых, смысловым наполнением самой категории культуры, во-вторых, пониманием сущности социальной самоорганизации, природы социального хаоса и социального порядка, истоков социальной неустойчивости.

М. С. Каган определяет культуру как системную, исторически образовавшуюся и исторически изменяющуюся многостороннюю целостность специфически человеческих способов деятельности и ее опредмеченных плодов – материальных, духовных и духовно-материальных, художественных [5, 44]. Культура как сверхсложная самоорганизующаяся система включена в процесс саморазвития социума. Специфика ее заключается в том, что она инициирует возникновение нового, обуславливает нелинейный характер социальной динамики.

Раскрывая полиритмичность культуры, анализируя ритмо-волновые культурные процессы, соотношение в культуре симметрии и ассиметрии, М. С. Каган вводит понятие полифуркации, позволяющее акцентировать внимание на конкретных состояниях культуры, в которых «вызревают» магистральные исторические события. Прослеживая системные изменения в культуре, смену социокультурных целостностей, исследователь использует понятие «переходность». В переходных стадиях наиболее очевидной становится полифункциональность культуры, которая одновременно является источником инноваций (через активность индивидов), создает единое пространство человеческих общностей

(выполняет роль параметра порядка), «притягивает» и направляет к единой цели человеческие устремления (выполняет роль аттрактора). Одной из важнейших функций культуры становится отбор новаций, которые не разрушают «предельные» условия человеческого существования, «ядра» антропо-социо-культурной системы. Культура становится «защитным слоем» человеческого бытия, селекционируя инновации и трансформируя их в традиции, включая в ценностно-смысловой контекст. Основу переходных процессов составляет взаимодействие инноваций и традиций, порождающее конфликты, несовпадение динамики и ритмов на разных уровнях социокультурного бытия.

Признавая важность и научную ценность концепции М. С. Кагана, нельзя не отметить, что она продуцирует новые проблемы, решение которых, наверное, может быть найдено в рамках предложенной концепции. Исходное понимание культуры как системной целостности, отличной от общества, приводит к разделению процессов самоорганизации в культуре и в социуме (как иной по отношению к культуре системы). Это, на наш взгляд, создает дополнительные трудности для понимания социальной самоорганизации, поскольку анализ культуры и социума как относительно автономных систем вызывает необходимость поиска связи между ними. Системный подход к культуре, дополненный синергетическими схематизациями, позволяет акцентировать внимание на парадигмальных изменениях в культуре, на переходных периодах истории, когда происходит кардинальное изменение направленности ее развития. Обоснование ведущей роли культуры в «обновлении» истории требует выделения критериев разделения истории и истории культуры, поскольку инициирование культурой новых направлений социальной динамики далеко не всегда соответствует ее «защитной» функции: многие исторические события и их последствия деструктивны для общества и человека. Если культура через творчество человека провоцирует новации, очевидно, формируемый ею социальный порядок должен сохранять человекотворческую сущность. В противном случае следует признать: либо социальный порядок возникает благодаря иным, не культурным механизмам, либо культура амбивалентна и способна порождать античеловеческие формы бытия людей. Но в таком случае она перестает быть культурой.

Близка к концепции М. С. Кагана и научная позиция О. Н. Астафьевой. Акцентируя внимание на понятии «переходность», она соотносит его с понятием «нестабильность» и дает более детальное описание социокультурных самоорганизационных процессов. О. Н. Астафьева определяет нестабильность, во-первых, как внутреннее свойство культуры, проявляющееся во всех фазах развития, связанное с ее способностью к саморазвитию и самоорганизации, во-вторых, как определенное состояние культуры в трансформирующихся обществах (нестабильность в фазе хаоса). В последнем случае нестабильность – это

состояние фазового перехода от хаоса к порядку (и обратно), характерной особенностью которого является определенное стягивание к аттрактору [2, 111–112]. В фазе нестабильности процессы развития еще не укладываются в качественно-определенные формы социокультурного бытия. В случае возникновения «режима с обострением» изменения обретают системный характер, и поиск новых форм культуры сопровождается снижением смыслов традиций и идеалов. «Основные изменения концентрируются вокруг ценностно-смыслового ядра культуры – в обществе активизируются процессы выстраивания новой иерархии ценностей, которая на ранних стадиях еще не выполняет своей интеграционной функции, а в ряде случаев даже напротив усиливает социокультурную дифференциацию, приводит к кризису идентичностей, маргинализации и социальным деструкциям, аномии, активизации мифа и архетипов и т. д.» [2, 112].

Развивая мысль М. С. Кагана о формировании в состоянии переходности нового типа культуры, О. Н. Астафьева приходит к выводу о существовании в этой фазе самостоятельного типа культуры. Как и другие типы, он характеризуется целостностью, основанной на «многообразии качественно-определенных и еще становящихся форм социокультурного бытия» [2, 113–114]. Структуры прошлого (традиции) размываются структурами настоящего (формами культурного плюрализма) и складываются в целостную, относительно устойчивую, эволюционирующую структуру с нарушением симметрии. Эти процессы поддерживают нестабильность на уровне целостности: процессы саморазвития сменяются процессами самоограничения [2, 115]. Таким образом, устойчивое социокультурное развитие одновременно является и устойчиво-нестабильным.

Категория нестабильности рассматривается О. Н. Астафьевой в качестве основной для описания состояния культуры, а в качестве доминантной характеристики социума используется категория «стабильность». Таким образом, возникает возможность анализа сложной динамики взаимоотношений и взаимозависимостей культуры и общества в одном пространственно-временном континууме [3, 405]. Культура обладает большей степенью свободы по отношению к социальному бытию, поскольку основана на творческой деятельности людей, которая рассматривается как спонтанный процесс рождения нового. Связь с творческим личностным началом обуславливает и более устойчивую природу культурных инноваций, так как они соотносимы с историческими корнями культуры, ее ценностно-смысловым контекстом. В социуме же целостность уравнивается через сознательную, ценностно-ориентированную деятельность людей, поэтому социальные характеристики более изменчивы.

Связывая культуру с процессами самоорганизации, О. Н. Астафьева отмечает, что культура одновременно поставляет хаос в социум и

способствует его преодолению. Порядок и хаос, по мнению исследователя, есть разные способы бытия культуры, они передают единый процесс становления. Социокультурный порядок устанавливается на основе повторяемости внешних природных событий, стереотипных ситуаций, устойчивых процессов в обществе, на архетипах сознания, этнонациональных паттернах мышления и т. д., пронизывает все аспекты социальной практики. Хаос в культуре рассматривается как фаза повышенной нестабильности структурно-формообразующих и смысловых начал в системе, трудноопределимости возможностей взаимодействия элементов внутри системы (и с другими системами), в которой создается особая ситуация поиска и повышенной креативности, активизирующая процессы самоорганизации [3, 395]. Становление антропосоциокультурных систем есть процесс взаимоперехода хаоса и порядка, в котором культуре отводится роль инициатора различного рода новаций, первоначально проявляющих себя в виде хаотичных тенденций.

На наш взгляд, признание «хаотичности» культуры содержит противоречие, требующее разрешения. Многовариантность развития, присущая переходным периодам, выражается в том, что среди потенциальных вариантов есть и такие, которые связаны с саморазрушением системы. Возникает вопрос, какой хаос продуцирует культура – только такой, который рождает новый порядок, или через активность человека она также производит хаос, способный вывести на еще большее разрушение?

Констатация «хаотичности» культуры без необходимых уточнений понятия хаоса, выявления его источников неизбежно приводит к выводу о том, что культура сочетает противоположные функции – энтропийную и неэнтропийную. В связи с этим представляется спорной точка зрения О. Н. Астафьевой о том, что культура «участвует» в производстве разного уровня и разного рода рисков – техногенного и экологического кризисов, утрате этнокультурной идентичности, снижении культурного разнообразия и т. д. Такая позиция противоречит пониманию культуры как «защитного» слоя человеческого бытия, а способность культуры устанавливать когерентные взаимодействия между различными уровнями и элементами социальной реальности сводится к формальной функции создания социального порядка безотносительно его содержания.

На наш взгляд, причины социальных рисков и кризисов следует искать не в культуре, а в социальности как таковой, которая, кроме культуры, включает в себя цивилизационный, ментальный и иные срезы. Понятия «социальное», «культурное», «цивилизационное», «ментальное» часто отождествляются, не имеют четких критериев разграничения, однако исследование феномена социальной самоорганизации актуализирует вопрос об их соотношении. По своей сущности цивилизация, менталитет способны продуцировать деструктивные начала в социальном бытии. Имея с ними области «пересечения», культура, тем не менее, не совпадает в

главном – ее назначение заключается в сдерживании хаоса, трансформации его в творчество.

Соотносить культуру с хаосом возможно в том смысле, что культура не производит хаос, а «соприкасается» с ним; препятствуя разрастанию деструктивных процессов, изменяется сама в поиске адекватных механизмов их сдерживания. В качестве источника социального хаоса, на наш взгляд, следует рассматривать человека, который вследствие разрыва сущностной связи с культурой становится деструктивным началом социальной реальности. Противоречивая человеческая сущность в потенциальном виде содержит как творческие, так и деструктивные способности, которые раскрываются в социуме. Создавая культуру, человек вырабатывает механизмы самоорганизации собственной жизни, а включаясь в межличностные взаимодействия как субъект культуры, становится активным участником негэнтропийных процессов в социуме.

Негэнтропийную функцию культуры как базовую выделяет А. П. Назаретян, представляющий культуру как совокупный механизм, который изменяется в соответствии с потребностями социума. В его понимании общество является неравновесной системой особого типа, устойчивость которой обеспечивается искусственным опосредованием внешних (природной средой) и внутренних отношений, а культура является всем комплексом негэнтропийных опосредствующих механизмов [8]. Ее главная функция – обеспечивать «прогрессивные» изменения, которые автором рассматриваются как цепь успешных адаптаций общества к последствиям собственной активности (на фоне преобладающих разрушительных эффектов). Социальная эволюция становится возможной благодаря действию закона техно-гуманитарного баланса – специфического механизма селектогенеза, посредством которого человечество адаптируется к растущему инструментальному могуществу. «...Существование социумов лишено естественных гарантий и в значительной мере определяется тем, насколько способность целенаправленно использовать энергию уравновешена умением оценивать долгосрочные последствия (инструментальный и гуманитарный интеллект, «сила» и «мудрость»)». Зависимость между тремя переменными – технологическим потенциалом, качеством культурной регуляции и социальной жизнеспособностью – и названа законом техно-гуманитарного баланса: чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные механизмы сдерживания агрессии необходимы для сохранения общества» [7, 141].

Выполняя негэнтропийную функцию, культура регулирует смену процессов накопления интеллектуального, инструментального, этнического и др. разнообразия и процессов самоограничения, позволяя преодолевать кризисные ситуации в истории. «Шанс на конструктивное преодоление кризиса система получает в том случае, если она успела накопить (сохранить) достаточный внутренний ресурс слабо

структурированного и актуально бесполезного разнообразия. Какие-то из «лишних» элементов, сохранившихся на периферии системы, с изменением условий становятся доминирующими и обеспечивают образование новой, иногда более высокоорганизованной системы-наследницы» [8].

В концепции А. П. Назаретяна негэнтропийность культуры связывается не с формальным поддержанием социального порядка, а предполагает и аксиологический аспект, «гуманизацию» интеллектуально-инструментальных достижений человечества. Вместе с тем, поскольку культура представлена как адаптационный механизм, производный от технологических аспектов социального развития, она лишена активной, творческой функции по отношению к социуму, ее роль сводится к сдерживанию человеческой агрессии и агрессии общества по отношению к природе. Тем не менее ценной является идея негэнтропийности культуры (обусловленной ее аксиологической сущностью), которая может получить дальнейшее развитие в анализе социальной самоорганизации.

Проанализированные синергетические концепции культуры, с одной стороны, демонстрируют конструктивность новых подходов в анализе объективных социокультурных процессов, с другой стороны, становится очевидным игнорирование в них индивидуального уровня социокультурных изменений. Рассмотренные концепции «бессубъектны», культура в них соотносится с объективированными, а потому и ценностно-нейтральными формами человеческой деятельности. Человек же как творец культуры оказывается «вне» социокультурных изменений. Это актуализирует проблему поиска такой концептуальной модели, которая позволила бы объединить экзистенциально-личностный и коллективный уровни культуры и, соответственно, социальной самоорганизации.

Кроме того, становится очевидным, что построение различного рода синергетических концепций культуры требует учета аксиологических аспектов социального порядка. В противном случае роль культуры может быть сведена к формальной функции – согласованию разупорядоченных социальных процессов и тенденций без учета содержательной наполненности возникающей упорядоченности. К. Х. Делокаров отмечает, что вопрос о том, какой порядок больше отвечает логике вещей, интересам системы очень сложен, особенно в области человеческих отношений. Тем не менее можно заметить, что тот порядок в социуме наиболее долговременен, который устанавливается «снизу», а не «сверху», решает большее число накопившихся в обществе проблем, «считается» с разнообразием, не пытается унифицировать это разнообразие [4, 71]. Можно добавить, что «долговечность» такого порядка выявляет и его ценностный статус, одобрение и принятие индивидами, которые находят в нем возможности для самореализаций. Тем самым выявляется необходимость учета аксиологического аспекта социальной самоорганизации, без которого синергетические концепции культуры не

получают должного обоснования. Понятие социальной самоорганизации призвано раскрывать не только процессы, протекающие в социуме (так называемую «социумную» самоорганизацию), но и специфику становления социокультурного бытия, разворачивающегося в коэволюции природы, человека и общества.

По своей сущности культура индивидуальна, поскольку она «произрастает» из уникальной природы человека, его творческих возможностей и потребности в самореализации. В то же время процесс культуротворчества осуществляется в межличностных взаимодействиях, в которых личностно-значимое для данного человека оказывается значимым и для других. Эта «общезначимость» обнаруживается тогда, когда взаимодействующие индивидуальности выступают как субъекты культуры – выражая «человеческое» в себе и обнаруживая «человеческое» в другом. На этом пересечении, в ситуации «между» (М. Бахтин) происходит рождение новых культурных смыслов, которые являются одновременно и общезначимыми, и личностными. Культуротворчество становится человекотворчеством и наоборот. В культуре снимается конфликт индивидуального и коллективного, противоречия между ними становятся не препятствием, а возможностью для поиска единых созидающих основ человеческого существования.

Таким образом, становится очевидным, что исследование социальной самоорганизации должно учитывать, во-первых, включенность человека в социальные процессы, во-вторых, аксиологический аспект социальных изменений, который выявляет их человекотворческую направленность. Это позволит не только раскрыть связь культуры с процессами социальной самоорганизации, но и обосновать их культурогенную сущность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесова Г. А. Пригожин Илья Романович / Г. А. Аванесова // Культурология. XX век : энциклопедия. – 1996. – Т.2. – С. 135–137.
2. Астафьева О. Н. Концепты синергетики и синергетические стратегии в культурологических исследованиях М. С. Кагана / О. Н. Астафьева // Культура и культурная политика : материалы научно-методологического семинара. Выпуск 1. Синергетическая концепция культурно-исторического процесса М. С. Кагана. – М. : Изд-во РАГС, 2005. – С. 100–118.
3. Астафьева О. Н. Преодоление оппозиционной бинарности в понимании хаоса и порядка в культуре / О. Н. Астафьева // Синергетическая парадигма: Человек и общество в условиях нестабильности. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – С. 385–411.
4. Делокаров К. Х. К вопросу о применении идей синергетики к изучению социокультурных процессов / К. Х. Делокаров // Культура и культурная политика: Материалы научно-методологического семинара. Выпуск 1. Синергетическая концепция культурно-исторического процесса М. С. Кагана. – М. : Изд-во РАГС, 2005. – С. 65–72.
5. Каган М. С. Введение в историю мировой культуры: [в 2 кн.] / М. С. Каган. – СПб. : ООО «Издательство «Петрополис»», 2003. – Кн 1. – 368 с.
6. Каган М. С. Философия культуры / М. С. Каган. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1996. – 416 с.

7. Назаретян А. П. Синергетика, когнитивная психология и гипотеза техно-гуманитарного баланса / А. П. Назаретян // *Общественные науки и современность*. – 1999. – № 4. – С.135–145.

8. Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории (синергетика – психология – прогнозирование) [Электронный ресурс] / А. П. Назаретян. – М., Мир, 2004. – 367 с. – Режим доступа :

<http://spkurdyumov.narod.ru/NasarOcherk2.html>

9. Свідзінський А. В. Культура як феномен самоорганізації / А. В. Свідзінський. // *Сучасність*. – 1992. – № 4. – С. 141–155.

10. Свідзінський А. В. Самоорганізація і культура / А. В. Свідзінський. – К. : Вид-во ім. Олени Телеги, 1999. – 288 с.

РЕЗЮМЕ

І. А. Доннікова. Соціосинергетичні концептуалізації культури: від сутності культури до сутності соціальної самоорганізації.

В статті показано, що побудова різного роду синергетичних концепцій культури потребує врахування аксіологічних аспектів соціального порядку. Аналіз соціосинергетичних концепцій культури виявляє нові проблеми, вирішення яких сприятиме більш глибокому розумінню сутності соціальної самоорганізації та ролі культури в цьому процесі.

Ключові слова: синергетичний дискурс, соціокультурна синергетика, соціальна самоорганізація, культура, людинотворчість.

SUMMARY

I. A. Donnikova. The Socialsynergetic Conceptualizations of Culture: from Essence of Culture to Essence of Social Self-organisation.

The analysis of cultures' conceptions in social synergetics exposes the new problems, the solution of which will promote the deeper understanding of essence of social self-organisation and the role of culture in this process.

Key words: synergetics discourse, sociocultural synergetics, social self-organisation, culture, man creativity.